

ИСЛАМ В ГРУЗИИ И ПОЛИТИКА ИНТЕГРАЦИИ

Ключевые слова: ислам, Грузия, политика интеграции

Аннотация: Статья посвящена анализу мусульманской общины в Грузии и стоящих перед ней вызовов, а также политических подходов правительства страны к проблемам интеграции.

Key words: Islam, Georgia, integration policy

Abstract: The article's focus is on Georgia's Muslim community, the challenges that it faces and the approaches that the government pursues as a part of its integration policy.

DOI:10.20542/2307-1494-2016-2-71-86

I. Ситуационный анализ: мусульманская община Грузии

Грузия известна разнообразием религиозных меньшинств. Несмотря на то, что в стране существует многовековой опыт сосуществования разных конфессий, большинство из них не принимает активного участия в политической, социальной и экономической жизни государства. С момента распада Советского Союза политический истеблишмент и подавляющая часть общества страны были не против такого положения дел, однако события на международной арене и периодически проявлявшиеся случаи религиозной нетерпимости внутри социума подтолкнули элиты и многих граждан Грузии к пересмотру взглядов на эту проблему. Сегодня правительство активно работает над вопросом интеграции религиозных меньшинств и в особенности самого крупного из них – мусульманской общины. Данная статья посвящена анализу основных мусульманских общин Грузии, их специфике и общим чертам, а также политике Грузии в области интеграции проживающих на ее территории мусульман. Статья основана на результатах полевых исследований, проведенных авторами в рамках исследовательского проекта «Ислам в Грузии – политика и интеграция» с 1 октября 2015 г. по 30 марта 2016 г.

По данным всеобщей переписи населения, которая была проведена в ноябре 2014 г., в Грузии проживают 398 тысяч мусульман, что составляет 10.7% общего населения страны.¹ Районы компактного проживания мусульман в Грузии включают Панкисское ущелье (Ахметский муниципалитет), регион Квемо Картли и Аджарскую автономную республику. Кроме того, в регионе Кахети, в частности в Кварельском, Телавском и Сагареджойском муниципалитетах, есть небольшие мусульманские анклавные, в которых проживают мусульмане разных национальностей (этнические хунза и азербайджанцы). Мусульманские анклавные

имеются также в Цалкском муниципалитете и в регионах Самцхе-Джавахети и Гурия (переселенные из Аджарии экомигранты и небольшие группы репатриированных мусульман-месхетинцев). В Тбилиси тоже есть районы, где компактно проживают мусульмане. По данным всеобщей переписи населения, в столице живут приблизительно 16 тысяч мусульман.

Районы компактного проживания мусульман в Грузии отличаются своей спецификой, обусловленной этническим многообразием и особенностями социально-экономического развития соответствующих регионов. Необходимо также принять во внимание противоречия и разногласия внутри самой мусульманской общины, которые в каждом регионе также носят особый характер. Следует отметить, что проблемы безработицы и слабого участия граждан в общественно-политической жизни в равной степени касаются всех регионов страны.

II. Панкисское ущелье

Начиная с 40-х гг. XIX века в Панкисском ущелье стали селиться кистинцы (вайнахи по происхождению). Благодаря тесным экономическим и социальным связям с местным грузинским населением, они сумели быстро адаптироваться к местным условиям. Кистинцы традиционно исповедуют суннитский ислам (шафиитского мазхаба).

По данным переписи населения 2014 г., в Грузии проживают в общей сложности 5700 этнических кистинцев,² абсолютное большинство которых исповедуют ислам. По информации местных муниципальных органов власти, в Панкисском ущелье живут также 230 этнических чеченцев, которые переехали в Грузию из Чечни в конце 1990-х гг. Они имеют статус беженцев и интегрированы в местную кистинскую общину.

Отчуждение кистинской общины от остальной части Грузии произошло уже после обретения Грузией независимости. Этому способствовал ряд факторов. Во-первых, сложившаяся в Грузии в 1990-х гг. ситуация носила крайне тяжелый экономический, политический и социальный характер, который усугублялся коррумпированностью местных и центральных властей и активным участием жителей ущелья в незаконном обороте оружия и наркотиков. Несмотря на то, что центральное правительство постепенно смогло справиться с этими вызовами, они сильно повлияли на имидж этого района и закрепили за ним дурную славу. Во-вторых, в это время вспыхнул военный конфликт в Чечне. В результате первой (1994–1996 гг.) и второй (с конца 1999 г. по конец 2000-х гг.) войн в Чечне, по данным различных источников, в Панкисском ущелье нашли убежище не менее 8000 чеченских беженцев.³ Их появление кардинально изменило социальный фон района. Необходимо также отметить, что с началом второй чеченской войны в Панкисском ущелье стал распространяться исламский фундаментализм в форме салафитского течения. Салафизм проник в Грузию в основном с территории Чечни и частично из арабских государств. Отсутствие перспектив, эффективных

«социальных лифтов», а также изолированность и отчужденность от других регионов Грузии привели к тому, что мусульманская молодежь Панкисского ущелья нередко стала искать возможности самовыражения и самореализации в салафизме. По имеющимся данным, до 60-70% местной молодежи в возрасте до 35 лет исповедуют салафитский ислам, в то время как остальная часть местных жителей, особенно люди старшего поколения, придерживаются традиционного ислама. В Панкисском ущелье функционируют пять мечетей традиционного ислама и семь мечетей и молельных домов салафитского джамаата.

На сегодняшний момент, два основных фактора мешают Панкисскому ущелью полноценно интегрироваться в грузинское общество – укоренившиеся негативные стереотипы и конфессиональные разногласия.

Опрошенные в Панкисском ущелье респонденты не раз жаловались на некорректное, оскорбительное отношение со стороны сотрудников региональной полиции и службы безопасности, что объясняется старыми, давно устоявшимися в общественном сознании стереотипами. Серьезное недовольство кистинцев вызывает и то, что при пересечении грузинской границы они, по их словам, подвергаются дискриминации со стороны сотрудников спецслужб, что проявляется в неоправданных задержках на границе, допросах и моральном давлении. В ходе проведенного авторами статьи исследования выяснилось, что такие случаи приняли системный характер после активизации на Ближнем Востоке так называемого Даиш, или «Исламского государства в Ираке и Леванте» (ИГИЛ). Такая реакция со стороны силовых структур, возможно, объясняется тем, что в военных действиях на территории Сирии и Ирака были замечены граждане Грузии – этнические кистинцы. По неофициальным данным, на территории этих стран в середине 2010-х гг. воевали примерно 50 уроженцев Панкисского ущелья, хотя необходимо отметить, что определенная часть этих людей попала на Ближний Восток не с территории Грузии, а из Турции и европейских стран, где они проживали последние годы как эмигранты.

Трения и разногласия на религиозной почве внутри самой мусульманской общины являются ещё одной важнейшей помехой в процессе интеграции. Как уже отмечалось, в конце 1990-х гг. в Панкисском ущелье распространилось салафитское течение ислама. Сегодня, основная часть местной молодежи находится под влиянием салафитского джамаата. Быстрый рост популярности салафизма в Панкисском ущелье был обусловлен не только внутренними и внешними системными факторами, но и отчасти слабостью традиционного ислама в регионе. Например, как в прошлом, так и в настоящее время традиционное исламское духовенство в целом имело низкий уровень образования и компетенции. Нередко имамами мечетей назначаются лица без соответствующего религиозного образования. Традиционное духовенство зачастую не способно и не готово конкурировать с лидерами салафитского джамаата, получившими фундаментальное теологическое образование в арабских странах.

Кроме того, такой традиционный институт, как Совет старейшин, также утерял в последнее время авторитет и влияние. Это в первую очередь вызвано разногласиями между самими членами совета. За время своего существования Совет старейшин играл в Панкисском ущелье роль своеобразного законодательного и судебного органа. Основываясь на сочетании исламских норм с чеченскими традициями и обычаями, Совет старейшин устанавливал общий кодекс поведения и регулировал гражданские споры, а также выступал в качестве посредника между конфликтующими сторонами. На фоне усиления государственной власти и активизации салафитского джамаата, Совет старейшин постепенно утрачивал свои функции и с течением времени может вообще прекратить существование. Исследование показало, что последователи традиционного ислама выступают против распространения салафизма в регионе, полагая, что это может привести к «арабизации» и утрате исконных кистиночеченских традиций и ценностей. Со своей стороны, сторонники салафизма утверждают, что традиционный ислам в регионе опирается на северокавказские традиции и обычаи, не имеющие ничего общего с «чистым», «истинным» исламом, основные принципы которого изложены в священном писании. Кроме того, по их словам, люди, не владеющие арабским языком, не имеют права проповедовать ислам, как это делают сегодня последователи традиционного направления.

Это противостояние усугубляется тем обстоятельством, что обе группы ищут помощи у государства, а оно часто кардинально меняет свои подходы. В частности, правительство Михаила Саакашвили предпочитало сотрудничать с салафитским джамаатом, считая, что таким образом будет легче держать ситуацию в Панкисском ущелье под контролем. Такая политика привела к еще большему ослаблению традиционного ислама. Последующие правительства Грузии избрали противоположную тактику, поддерживая традиционный ислам, но при этом фактически игнорируя другую религиозную группу и не работая с ней.

Такое отношение к салафитам объясняется тем, что их часто отождествляют с ваххабитами. Этот стереотип оказывает серьезное влияние на отношение к религиозной группе не только со стороны грузинской общественности, но и государственных структур и, как следствие, мешает выработке продуманной государственной политики в отношении салафитского джамаата. При этом за все время своего существования в Грузии салафитская община ни разу не подвергалась гонениям и репрессиям со стороны грузинского государства. Власти не ограничивают право салафитов на свободу вероисповедания и не мешают им строить собственные мечети и молельные дома.

Следует особо отметить, что салафитский джамаат Панкисского ущелья открыто отмежевался от Даиш. По словам лидеров джамаата, в регионе проводится целенаправленная работа для того, чтобы предотвратить вербовку и отправку жителей ущелья, граждан Грузии, в ряды «Исламского государства» на Ближнем Востоке. Отъезд из Панкиси немногочисленной группы местных жителей и отдельных граждан для участия в военных действиях на стороне

террористической организации был их личной инициативой, не отражающей официальную позицию салафитского джамаата.

III. Квемо Картли

Одним из традиционных ареалов компактного проживания мусульманского населения является регион Квемо Картли. Подавляющее большинство местных мусульман – этнические азербайджанцы. Кроме Квемо Картли, азербайджанцы компактно проживают также в Сагареджойском, Лагодехском и Телавском муниципалитетах региона Кахети. По данным последней переписи населения, азербайджанская община Грузии насчитывает 238 тысяч человек, из которых 182,3 тысячи живут в Квемо Картли.⁴ Следует отметить, что предки нынешних азербайджанцев поселились на территории Квемо Картли в основном в начале XVII века.

По существующим данным, примерно 93% живущих в Грузии азербайджанских мусульман – шииты, и лишь 7% – сунниты. Однако конфессиональные различия никак не сказываются на бытовом уровне (родственных отношениях, смешанных семьях, тесных социально-экономических связях) – и шииты, и сунниты являются частью единого социума.

Социально-экономические проблемы Квемо Картли мало отличаются от проблем других регионов Грузии. Неразвитая транспортная инфраструктура осложняет сообщение с отдаленными селами. Сельские жители оторваны от культурно-образовательной среды. По сравнению с мусульманским населением Панкисского ущелья, азербайджанская община Квемо Картли более консолидирована и замкнута.

Интеграция азербайджанского населения Грузии направлена главным образом на преодоление языкового барьера, что позволит азербайджанцам активно участвовать в общественно-политической жизни и откроет им доступ к грузинскому информационному пространству.

В последние годы большую роль в интеграции азербайджанского населения сыграла система льготного поступления в высшие учебные заведения, т. н. схема «1+4», которой широко пользуются абитуриенты азербайджанских (и армянских) школ. Эта система действует с 2010 г. Она дает возможность будущим студентам пройти 12-месячный интенсивный курс изучения грузинского языка, по окончании которого они сравнительно легко могут продолжить обучение в вузе по выбранной специальности. Однако, по словам части студентов, одного года недостаточно, чтобы освоить язык на должном уровне.

По данным местных ресурс-центров и администраций общественных школ, за последние пять–шесть лет число абитуриентов азербайджанских школ Квемо Картли, уезжающих для получения высшего образования в Азербайджан, продолжает снижаться. Теряют свою актуальность и функционирующие в Квемо Картли филиалы азербайджанских вузов.

Проявляется и другая тенденция. По окончании Тбилисских вузов, азербайджанская молодежь стремится вернуться в регион и устроиться на работу по месту жительства – в местных органах власти, в образовательных учреждениях, в местных неправительственных организациях. В Марнеули работают в основном те, кто хорошо владеет государственным языком и одновременно поддерживает профессиональные и социальные контакты с Тбилиси и другими регионами Грузии.

С учетом существующих тенденций, все больше и больше азербайджанских семей хотят, чтобы их дети получили среднее образование в грузинской школе. По информации Марнеульского образовательного ресурс-центра, 70% учащихся грузинской общественной школы Марнеули – этнические азербайджанцы. С каждым годом желающих учиться в грузинской школе становится все больше. Поэтому на повестке дня все насущней встает вопрос об открытии грузинского сектора в местных азербайджанских школах. Главная проблема в этом плане заключается в том, что, поступая в грузинскую школу, азербайджанские дети совершенно не владеют государственным языком. Из-за этого в начальных классах много времени и ресурсов отводится изучению языка, а не освоению школьной программы. В результате падает уровень образования в целом.

Все это говорит о необходимости улучшить систему дошкольного образования в Квемо Картли. По-прежнему не решена проблема дефицита владеющих грузинским языком воспитателей в детских садах и педагогов в школах в сельских районах. Кроме того, по словам респондентов, необходимо усовершенствовать методику преподавания грузинского языка в азербайджанских школах.

Важно отметить, что сторонники грузинского образования – это в основном те этнические азербайджанцы, которые уже работает на различных должностях в государственных учреждениях и органах власти. Соответственно, они лучше других понимают, насколько важно владеть государственным языком для самореализации и успешного карьерного роста. Поэтому необходимо привлекать больше молодежи на государственную службу, так как это ускорит ее гражданскую интеграцию.

В регионе успешно функционирует Дом грузинского языка, где каждый желающий, независимо от возраста и профессии, может посещать курсы языка. ЮЛПП (юридическое лицо публичного права) «Региональный центр Школы государственного управления имени Зураба Жвания» осуществляет в регионе две программы грузинского языка без каких-либо возрастных ограничений. Одна из этих программ предназначена только для государственных служащих. Вторая рассчитана на рядовых жителей сельских районов Квемо Картли и предусматривает изучение языка по месту жительства – для этого в села приезжают специально подобранные грузинские педагоги. В настоящее время занятия в рамках второй программы посещают 120 слушателей. Очевидно, однако, что добиться заметных улучшений во владении грузинским языком среди

старших поколений азербайджанцев будет крайне сложно. Поэтому, основной акцент делается на повышение уровня знания языка среди молодежи. По данным, полученным во время исследования в администрации Марнеульского муниципалитета, в 2015 г. администрация Марнеули потратила более 40 тысяч лари на организацию экскурсий в различные уголки Грузии для школьников мусульманских сел региона, а также на участие этих детей в различных культурных и образовательных проектах, которые позволяют им активно общаться со своими сверстниками из других регионов Грузии. Руководство муниципалитета придает большое значение таким проектам, так как в регионе отсутствует среда общения, в которой местные азербайджанские подростки, особенно проживающие в сельских районах, могли бы регулярно общаться на грузинском языке.

Интеграции азербайджанского населения препятствует также отсутствие смешанных браков – и соответственно родственных связей – между азербайджанцами и грузинами (из-за религиозного запрета в рамках мусульманской общины). Кроме того, ислам и традиционный уклад жизни азербайджанцев, особенно в сельской местности, накладывают ограничения на социальную активность женщин, что также мешает процессу интеграции. Еще одну проблему для интеграции создает широко распространенная в азербайджанской общине Грузии традиция ранних браков, когда несовершеннолетних девушек выдают замуж, часто против их воли, под давлением родителей. Выйдя замуж, эти девушки, как правило, вынуждены сидеть дома, так как семья не разрешает им работать, и поэтому уровень их социализации остается низким.

На фоне социально-экономических и языковых барьеров может сложиться впечатление, что религия не играет большой роли для этой общины. Однако есть основания предполагать, что на самом деле всё наоборот.⁵ К примеру, в Марнеули имеются исламские шиитские религиозные школы, где преподают Коран, законы шариата, историю религии и т. д. По словам директора одной из этих школ, носящей название «Ахли-бейт», в 2014 г. школу посещали 600 учащихся Квемо Картли, включая 200 учащихся из Марнеули. Следует отметить также, что религия пользуется особой популярностью среди молодежи. Более того, отчётливо видны попытки Ирана и Турции распространить свое религиозное влияние на проживающих в Квемо Картли, соответственно, шиитов и суннитов. Также активно работает в регионе и Азербайджан. Религиозная и культурная активность этих трех государств включает в себя помощь в строительстве новых мечетей, финансирование исламских духовных учебных заведений, распространение религиозной литературы, финансирование различных культурных и образовательных программ. Необходимо отметить, что в ходе исследования авторам не удалось получить никакой официальной информации или каких-либо подтверждающих данных о масштабах общей финансовой помощи, поступающей в адрес мусульманской общины Грузии из других стран. Единственным показателем, по которому можно судить о масштабе этой помощи, является

исламская духовная литература, которая печатается в Турции и затем распространяется по всей Грузии.

IV. Аджарская автономная республика

Аджарская автономная республика – это единственный регион Грузии, где мусульманское население представлено основным этносом, грузинами. Абсолютное большинство аджарских мусульман – сунниты. Ислам стал распространяться в этом регионе в XVII в., что было прямым следствием политической экспансии Османской империи.

По данным переписи 2014 г., население региона насчитывает в общей сложности 334000 жителей, из которых 132852, или 39.6% общего числа, в графе о своей религиозной принадлежности указали ислам.⁶

В последние годы, по сравнению с другими регионами Грузии, в Аджарской автономной республике наблюдаются довольно динамичные позитивные экономические тенденции. Поэтому социально-экономические проблемы носят здесь несколько менее острый характер.

По имеющимся данным, в Аджарии проживают около 70 салафитов. В отличие от Панкисского ущелья, им не удалось сформировать в регионе структуру единого джамаата, так как они разбросаны по всей территории автономной республики. В то же время, в отличие от того же Панкисского ущелья, аджарские салафиты отличаются заметно более высоким уровнем радикализации и их высказывания нередко содержат нотки экстремизма. Среди местных салафитов преобладают люди, не имеющие образования или не сумевшие реализовать себя с профессиональной точки зрения. Поэтому, в отличие от салафитского джамаата Панкисского ущелья, аджарские салафиты не имеют возможности формировать общественное мнение и оказывают минимальное – или практически нулевое – влияние на местный социум. Трудно сказать, сколько аджарских мусульман участвуют сегодня в боевых действиях на территории Сирии и Ирака. Выяснить это сложно еще и потому, что из Аджарии в Турцию на сезонные или постоянные заработки регулярно выезжает довольно много людей, но реальную цель их пребывания на турецкой территории установить крайне трудно.

Основной проблемой для местных мусульман является то, что зачастую принадлежность к грузинскому этносу автоматически подразумевает приверженность православию. Поэтому аджарским мусульманам часто приходится доказывать государству своё грузинское происхождение. Вышеописанные стигмы влияют на степень участия мусульман в общественно-политической жизни региона и на отношение к ним со стороны представителей государственных учреждений. Мусульманское духовенство и местные журналисты говорят о том, что мусульмане непропорционально мало представлены во властных структурах автономной республики, а высокие должности часто занимают люди, назначенные из Тбилиси. Кроме того, отдельные лидеры

мусульманской общины Аджарии отмечают, что мусульмане все чаще страдают от нарушений прав человека и некорректного поведения и подвергаются психологическому давлению со стороны сотрудников силовых структур (МВД, пограничной полиции). Эта проблема обострилась после отъезда отдельных местных радикалов в Сирию или Ирак.

Ситуацию осложняет поведение некоторых представителей Грузинской православной церкви (ГПЦ) и православной общины. Наглядной иллюстрацией этому могут служить осквернение мусульманского духовного учебного заведения в Кобулету (к дверям учреждения была прибита голова свиньи), факты умышленного повреждения недвижимости, необоснованный отказ в снабжении питьевой водой. Особенно агрессивно служат ГПЦ и члены православной общины ведут себя в высокогорных районах Аджарии. В частности, православные священники целенаправленно окропляют священной водой дома мусульман и агитируют местную мусульманскую молодежь сменить веру и принять христианство. По их словам, ислам насаждался в Грузии силой, и сегодня грузинские мусульмане имеют возможность вернуться к своей исконной религии. На фоне общественного давления и усиления ГПЦ участились случаи обращения мусульман в христианство. Соответственно, растет число семей, в которых старшее поколение исповедует ислам, а молодежь – православные христиане. При этом новообращенные в православие отличаются особой нетерпимостью по отношению к последователям своей бывшей религии. Некоторые представители ГПЦ оправдывают агрессивный прозелитизм в Аджарии необходимостью противостоять активной и неконтролируемой религиозной деятельности турецких исламских организаций. По их оценкам, деятельность этих организаций, в конечном счете, является частью агрессивной политики турецкого государства по отношению к Аджарии.

Следует отметить, что заявления некоторых представителей ГПЦ о политике Турции не лишены некоторых оснований. Работающие в регионе журналисты подчеркивают, что в последние годы повышенную активность в Аджарии проявляет турецкая исламская организация «Сулейманджилар», имеющая широкую сеть филиалов и духовных учебных заведений в Турции. В Аджарии она занимается тем, что оказывает финансовую помощь мечетям в регионе, снабжает их религиозной литературой и необходимым для проведения молитв инвентарем, платит зарплату духовным лицам и персоналу исламских духовных учебных заведений.

V. Анализ государственной политики

Интеграция – это комплексный, многосторонний и длительный процесс, в который вовлечено немало заинтересованных сторон. Государству и его отдельным институтам отводится в этом процессе особая роль. После обретения независимости в Грузии сменилось несколько правительств и каждое из них демонстрировало в этом вопросе особый, отличный от других, подход. Идеология

первого грузинского президента Звиада Гамсахурдия отличалась радикальным национализмом и опиралась на православную церковь. При Эдуарде Шеварднадзе возобладал более сбалансированный подход. Однако на фоне политических, экономических и социальных трудностей и тотальной коррупции, решение проблемы интеграции было заморожено. Стремительные реформы Михаила Саакашвили способствовали тому, что тема интеграции мусульманского населения вновь вышла на передний план. Началось осуществление нескольких значительных проектов, которые продолжаются и по сей день. Однако с ростом общественного недовольства политикой правительства Саакашвили и его последующей сменой, проблема интеграции, политически ассоциировавшая со временем его правления, также – незаслуженно – отошла на второй план.

Несмотря на различия, все эти подходы объединяла одна общая черта – политизация вопроса. ГПЦ под руководством Каталикоса-Патриарха Ильи II остается одним из наиболее стабильных институтов страны, который при этом пользуется гораздо более высоким доверием общества, чем любая государственная структура или политическая фигура.^{7, 8} Исходя из этого, каждому грузинскому правительству приходилось открыто или скрыто признавать доминирование православной общины и способствовать сохранению этого статуса. Это привело к некоторому отчуждению других религиозных конфессий от грузинского общества. У государства нет четко сформулированного плана действий по обеспечению гражданского равноправия и интеграции, нет продуманной религиозной политики. Однако участившиеся в последние годы конфликты на религиозной почве и критики религиозной политики, содержащиеся в отчетах местных и международных исследований, показали, что вопрос необходимо решать.

Правительство ответило на вызовы комплексным подходом. С одной стороны, оно укрепило законодательную базу, а с другой, поспособствовало формированию Духовного управления мусульман Грузии (ДУМГ) и Национального агентства по вопросам религии (НАВР). Грузия также стала активно сотрудничать с аппаратом Омбудсмана, местными и международными НПО. Особая роль в процессе интеграции мусульман в грузинское общество уделена Министерству образования и науки Грузии (МОНГ). Интересные инициативы в этой области были выдвинуты и Министерством обороны (МОГ).

Государство сделало серьезные шаги по совершенствованию законодательной базы. Однако насколько успешными будут эти инициативы – вопрос неоднозначный. По мнению экспертов, в этой области, существующая законодательная база не нуждается в дополнении. Проблема не в законодательной базе, а в политической воле внедрить и применять ее на практике. Уже тех законов в этой сфере, которые были приняты до инициатив 2015 г., было совершенно достаточно для регулирования религиозных вопросов. Однако, ввиду отсутствия политической воли, они не применялись – сознательно или нет – на практике. Исходя из этого, не ясно, насколько эффективными будут

дополнительные меры в условиях, когда годами существующие положения законодательства не исполняются в полной мере.

В ходе взятых авторами интервью, большинство респондентов говорили о том, что, хотя политика в этой области номинально существует, она подвержена влиянию со стороны различных сил. Более того, не ясно, насколько официальная политика соответствует тем ценностям, которые декларирует грузинская политическая элита. Это особенно актуально в отношении религии. Эксперты в этой сфере отмечают, что и в правительстве, и в парламенте есть влиятельные официальные лица, отличающиеся радикальными взглядами, противоречащими публично декларируемым принципам.

Говоря о влиятельных силах, мы также имеем в виду и позицию ГПЦ, самого крупного религиозного объединения страны. Существующая практика и формат взаимоотношений между грузинским государством и ГПЦ препятствуют созданию атмосферы равноправия и справедливости в стране. Дело здесь не в признании особой роли и исторических заслуг ГПЦ, и не в конституционном соглашении 2002 г. Проблема заключается в их некорректном или искаженном восприятии. Никто не подвергает сомнению историческую роль ГПЦ и не утверждает, что конституционное соглашение способствует, априори, возникновению и сохранению дискриминационной среды. Проблема в том, что в политической элите страны есть люди, ставящие свои религиозные взгляды выше задачи построения гражданского общества. Кроме того, радикальные взгляды встречаются и среди служителей ГПЦ. Складывается такая картина, когда в структурах, пользующихся большой общественной поддержкой, нередко наиболее активны и заметны в повседневной жизни те, кто выступает за усиление и без того сильных политических позиций ГПЦ. Поддержка часто принимает агрессивные формы с использованием различных радикальных призывов. Эти люди обладают большим влиянием на тех официальных лиц, которые считают себя последователями данной конфессии.

Более того, правительство как политическая единица, нуждающаяся в общественной поддержке, вынуждено закрывать глаза или не реагировать должным образом на порой грубое вмешательство представителей церкви в жизнь общества. Церковь стала неотъемлемой частью политики и основным источником легитимности власти, что отчасти отражает бытующие сегодня в грузинском обществе настроения.

Отдельно следует упомянуть сложившуюся в стране политическую атмосферу. Со дня провозглашения независимости и по сей день, политическая система Грузии отличается нестабильностью. В данном случае речь идет не только о частой смене правительств, но и о том, что перемены во власти обычно влекут за собой резкое изменение доминирующих подходов. Каждое грузинское правительство отличается своими, радикально отличающимися от других, политическими, социальными, экономическими и культурными взглядами. Эти различия ведут к тому, что каждое новое правительство подвергается осуждению

деятельность своего предшественника и перечеркивает начатые им проекты и программы. По этой причине, за последние годы только в единичных случаях удалось получить долгосрочный положительный эффект от проделанной работы.

При таком положении дел сложно обеспечить эффективное планирование и осуществление не только мероприятий по урегулированию религиозных вопросов, но и любых других долгосрочных проектов и программ в стране. Поэтому, в определенном смысле, страна живет в условиях нескончаемых реформ. Вместо того, чтобы довести очередную реформу до конца и проанализировать полученные результаты, процесс реформирования либо перестраивается, либо начинается заново. По мнению занятых в этой области людей, это обстоятельство не позволяет проводить в стране долгосрочную политику в той или иной области, а также отпугивает международных доноров.

Вызванные политической нестабильностью постоянные перемены привели к дефициту профессиональных кадров в различных областях. Каждый новый министр приходит со своей командой, которая часто не имеет ни опыта, ни соответствующих знаний и навыков. Такое положение осложняется и общим низким уровнем образования в стране в целом.

Еще один серьезный вопрос – дефицит информации и слабая коммуникация. Непрерывающиеся реформы нарушают обратную связь и негативно влияют на информированность общества. Эта проблема особенно актуальна в тех регионах, где местное население плохо знает государственный язык и/или где нет соответствующей инфраструктуры. Государственные учреждения часто используют современные технологии для решения этого вопроса (например, телевидение, интернет, социальные сети; размещают различные программы на официальных вебсайтах). Естественно, современные методы необходимо применять. Но при этом следует учитывать и особенности среды, в которой живут некоторые общины Грузии. По имеющейся статистике, лишь 1/3 населения имеет доступ к интернету, преимущественно в больших городах.⁹ Следовательно, большинство мусульман остаётся вне этого формата коммуникации.

В контексте проблемы интеграции грузинских мусульман особого внимания заслуживает активность и позиции таких государственных институтов Грузии, как министерства обороны, внутренних дел, образования и науки и Национальное агентство по вопросам религии (НАВР).

То, в какой степени можно совместить религиозные убеждения и военную службу – сложная тема, особенно в отношении соблюдения религиозных ритуалов и обрядов в армии. Однако, поскольку православные священнослужители имеют возможность входить в расположение воинских частей, на территории которых часто располагаются православные часовни, возникла необходимость учитывать интересы и других религиозных конфессий. В 2016 г. в воинских частях Грузии по инициативе министра обороны Тины Хидашели были впервые выделены места для мусульманских молитв. Создав условия для выполнения мусульманских религиозных обрядов и ритуалов, МО содействует реализации принципа

конфессионального равноправия. Возникает, однако, естественный вопрос – в какой степени является этот процесс частью единой государственной политики и не является ли он всего лишь личной инициативой данного ведомства и/или его руководства?¹⁰

Годами МВД в отношении мусульманской общины играло, скорее, роль жандарма. Как показали интервью авторов с экспертами, службы безопасности часто проявляли чрезмерную жесткость и неуважение по отношению к мусульманской общине. По их мнению, с тех пор положение мало изменилось, и проблема остается актуальной и по сей день. Так, в Панкисском ущелье власти в течении многих лет предпочитали специфический подход – сочетание элементов сотрудничества с мусульманской общиной с устрашением и давлением. Эта тенденция до сих пор имеет место. Несомненно, правительство обязано заботиться о безопасности страны, но не за счет ущемления прав собственных граждан. Этот вопрос требует комплексного подхода, в котором МВД служит лишь одним, хотя и важным, компонентом.

Министерство по делам образования и науки (МОН) можно считать наименее эффективным институтом. Ни один из респондентов не был доволен работой министерства. Более того, претензии к МОН имеют даже входящие в его структуру агентства. Основным предметом критики является чрезмерная политизация МОН, а также частая смена министра и других руководящих лиц этого ведомства. Еще более критично по отношению к МОН настроены неправительственные организации. По их мнению, МОН не имеет ясного представления о том, как должна развиваться система образования страны. Остро актуальным остается и вопрос профессионального уровня и квалификации сотрудников МОН.^{11, 12}

Нельзя признать деятельность МОН удовлетворительной и в плане интеграции мусульманского населения. Мусульманские духовные учебные заведения полностью выпали из системы образования, но МОН никак не реагирует на это. В отношении программы «1+4» представители неправительственного сектора подчеркивают, что на сегодняшний день у министерства нет никаких будущих планов на этот счет и непонятно какая судьба ждет эту программу после того, как истечет срок ее действия в 2018 г.¹³ Особенно острой критике подвергается тот факт, что в Тбилисском государственном университете курсы грузинского языка для не грузиноязычных студентов проводятся в отдельном здании, где студенты отделены от своих грузинских сверстников. Вызывают вопросы и сами курсы изучения грузинского языка. Сегодня в Квемо Картли над преодолением языкового барьера работает много государственных структур. Важно изучить и выяснить, обеспечивают ли вложенные в эти языковые курсы средства соответствующий уровень знания языка. Кроме того, большинство этих курсов предназначено для молодежи, а старшее поколение оказывается за рамками этого процесса.

Отдельная тема разговора – деятельность НАВР. В 2014 г. для выработки государственной политики в области религии, было создано Национальное

агентство по вопросам религии. С одной стороны, в задачи НАВР входит определение основных направлений государственной политики в области религии, создание платформы для межконфессионального диалога, урегулирование религиозных вопросов. НАВР активно сотрудничает со всеми представленными в Грузии конфессиями. В агентстве работают специалисты по религиозным вопросам. При НАВР создан и функционирует Межрелигиозный совет, который исполняет роль консультативного органа. Совет готовит пакет рекомендаций, исходя из существующего положения, но его рекомендации не носят обязательного характера. С другой стороны, работа ведомства нередко оценивается негативно, что вызвано несколькими факторами, один из которых – недоверие со стороны мусульманского населения, имеющего отрицательный опыт взаимоотношений с государственными структурами; у многих мусульман также есть сомнения в профессионализме и системе ценностей сотрудников. Начиная с 2014 г. это ведомство прошло через много перемен и потрясений. Из него уволились известные эксперты в области теологии. Более того, был поднят вопрос о политическом прошлом руководства; агентство активно сотрудничает с ДУМГ, которое было создано при Михаиле Саакашвили и считалось механизмом централизации и контроля. Поэтому, по мнению части мусульманской общины, НАВР – это орган контроля за работой ДУМГ.¹⁴ К тому же НАВР – это рекомендательный орган, поэтому зачастую сформированные агентством рекомендации не выполняются. Кроме того, процедура их подготовки сильно растянута во времени, что вызывает всевозможные спекуляции и домыслы. Отдельной проблемой стал вопрос строительства центральной мечети в Батуми. НАВР выдало рекомендацию о расширении существующей мечети, чем фактически перешло дорогу местной инициативной группе, которая занималась сбором подписей в поддержку строительства новой мечети. Это еще больше обострило взаимоотношения определенной части мусульманской общины с НАВР и ДУМГ.

До создания НАВР и выработки государственной политики в сфере религии в этот процесс было вовлечено много сторон. Своей политикой НАВР вынудило их либо поставить свою деятельность в правовые рамки, либо полностью отказаться от работы в этой области. Соответственно, те, кто поддерживал – и продолжает поддерживать – отношения со старыми участниками этого процесса, выступают против НАВР как такового или стараются дистанцироваться от него. Эти лица и организации активно работают в Аджарии, Квемо Картли (Марнеули) и в Панкисском ущелье. Аналогичная ситуация сложилась в Марнеули. На поступающие из Азербайджана и Ирана средства здесь было открыто немало мечетей и молельных домов. До формирования ДУМГ и НАВР в Марнеули активно работал Али Алиев, который представлял контролируемую из Азербайджана Духовное управление мусульман Закавказья (ДУМЗ). После появления нового ведомства, позиции этой организации ослабли, что стало причиной недовольства.

Недовольство же жителей Панкисского ущелья вызвано главным образом противостоянием традиционного и салафитского течений. Число последователей традиционного ислама неуклонно снижается, что способствует усилению более радикального салафитского движения. Совет старейшин, стремящийся искоренить салафизм в регионе, призывает НАВР предпринять более действенные шаги. Однако, по разным политическим причинам, НАВР пока не решается открыто осуществлять такие меры. В свою очередь, салафиты обвиняют НАВР в проведении целенаправленной кампании по их дискредитации. В этой связи следует отметить, что на начальном этапе своей деятельности НАВР пыталось отделить, изолировать и маргинализировать салафитское движение от других течений и создать вокруг него своеобразный вакуум. Однако эта попытка оказалась неудачной, так как даже последователи традиционного ислама не сумели занять единую позицию. Сегодня приоритетным направлением деятельности НАВР стала переподготовка представителей традиционного ислама (в первую очередь духовных лиц) и повышение уровня их знаний с тем, чтобы они могли успешно конкурировать с салафитами.

VI. Заключение

Мусульманская община Грузии слабо интегрирована в политическую, социальную и экономическую жизнь государства. Причиной этому являются не только социально-экономические и политические проблемы, но и социокультурная и конфессиональная специфика каждой мусульманской общины.

В Панкисском ущелье остро стоит вопрос стереотипов и борьбы двух кардинально разных подходов к вопросу исповедания и интерпретации ислама – фундаменталистского и традиционалистского. В Квемо Картли основной дилеммой является языковой барьер между местными этнической азербайджанцами и остальным обществом. Также закрытость социума мешает выявлению других скрытых вызовов, которые могут быть связаны с вопросом религии. В Аджарии этнические грузины, исповедующие ислам, являются предметом дискриминации и зачастую явных фактов агрессивного прозелитизма со стороны приверженцев Грузинской православной церкви.

На фоне существующих проблем правительство предпринимает шаги по интеграции местной мусульманской общины. Однако недостаток политической воли и сильное влияние и зависимость от ГПЦ замедляют этот процесс. Именно эти два фактора в основном объясняют неэффективность государственных институтов, на которые возложены основные задачи в этой области. Это, в первую очередь, Национальное агентство по вопросам религии и министерство образования и науки. Проинтервьюированные авторами этой статьи эксперты сошлись во мнении, что в основном не удовлетворительная работа этих институтов является результатом нехватки именно политической воли, а не стратегического видения или профессионализма. Можно сделать вывод, что главным препятствием на пути к полноценному процессу интеграции

мусульманского населения Грузии является расхождение между риторикой политического истеблишмента и практическими действиями властей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Результаты всеобщей переписи населения 2014 года // Национальная Статистическая Служба Грузии, 2016. <http://census.ge/ge/results/census>.

² Ibid.

³ Количество Чеченских беженцев уменьшилось // Онлайн издание Civil.ge. <http://www.civil.ge/geo/article.php?id=1221>.

⁴ Результаты всеобщей переписи населения 2014 года // Национальная Статистическая Служба Грузии, 2016. <http://census.ge/ge/results/census>.

⁵ Двали А., Бадасян Е. Современные проблемы Квемо Картли и Самцхе-Джавахети, и внешнеполитические приоритеты местного населения / Некоммерческая общественная организация «Центр культурных взаимоотношений – Кавказский дом», 2011.

⁶ Результаты всеобщей переписи населения 2014 года // Национальная Статистическая Служба Грузии, 2016. <http://census.ge/ge/results/census>.

⁷ Исследование NDI, политическая часть: Илья II – 91%, Аласания – 60%, Гарибашвили – 54% // Онлайн издание «Преса». <http://presa.ge/new/?m=politics&AID=30840>.

⁸ По итогам исследования, церкви доверяют 94% опрошенных // Georgian Press. <http://georgianpress.ge/com/news/view/1781?lang=1>.

⁹ Развитие электронных средств коммуникации в Грузии – доступ к сети Интернет / Институт Развития Свободы Информации. – Тбилиси, 2013.

¹⁰ Панкисскую молодежь будут готовить к вступительным экзаменам в Национальную академию обороны // Спектр. <http://speqtri.ge/component/content/article/1-news/22955-pankisel-akhalgazrdebs-thavdacvis-akademiashi-chasarickhad-moamzadeben>.

¹¹ Министерство просило не публиковать результаты международных исследований на грузинском языке // Интернет-издание «Нетгазети». <http://netgazeti.ge/opinion/14319/>.

¹² Премьер: мы планируем внедрить германскую модель в систему высшего образования // Журнал «Табула». <http://www.tabula.ge/ge/story/104718-premieri-umaghlesi-ganatilebis-sistemashi-germanuli-modelis-danergvas-vgegmavt>.

¹³ Горгодзе С. Насколько эффективна программа «1+4» для этнических меньшинств // Журнал «Либерал». <http://liberali.ge/articles/view/3975/ramdenad-efeqturia-14-programa-etnikuri-umtsiresobebistvis>.

¹⁴ Как государство пытается контролировать мусульманские организации / Центр изучения и мониторинга прав человека. <https://emc.org.ge/2015/11/26/interviu-mirtag-asadovtan/>.